

(1)Так и поселился я у Матрёны Васильевны. (2)Комнаты мы не делили. (3)Её кровать была в дверном углу у печки, а я свою раскладушку развернул у окна и, оттесняя от света любимые Матрёнины фикусы, ещё у одного окна поставил столик. (4)Электричество же в деревне было – его ещё в двадцатые годы подтянули от Шатуры. (5)В газетах писали тогда «лампочки Ильича», а мужики, глаза тараща, говорили: «Царь Огонь!»

(6)Может, кому из деревни, кто побогаче, изба Матрёны и не казалась доброжилой, нам же с ней в ту осень и зиму вполне была хороша: от дождей она ещё не протекала и ветрами студёными выдувало из неё печное грево не сразу, лишь под утро, особенно тогда, когда дул ветер с прохуdivшейся стороны.

(7)Кроме Матрёны и меня, жили в избе ещё – кошка, мыши и тараканы.

(8)Кошка была немолода, а главное – колченога. (9)Она из жалости была Матрёной подобрана и прижилась. (10)Хотя она и ходила на четырёх ногах, но сильно прихрамывала: одну ногу она берегла, больная была нога. (11)Когда кошка прыгала с печи на пол, звук касания её о пол не был кошачьего мягкого, как у

всех, а – сильный одновременный удар трёх ног: туп! – такой сильный удар, что я не сразу привык, вздрагивал. (12)Это она три ноги подставляла разом, чтоб уберечь четвертую.

(13)Но не потому были мыши в избе, что колченогая кошка с ними не справлялась: она как молния за ними прыгала в угол и выносила в зубах. (14)А недоступны были мыши для кошки из-за того, что кто-то когда-то, ещё по хорошей жизни, оклеил Матрёнину избу рифлёными зеленоватыми обоями, да не просто в

слой, а в пять слоёв. (15)Друг с другом обои склеились хорошо, от стены же во многих местах отстали – и получилась как бы внутренняя шкура на избе. (16)Между брёвнами избы и обоейной шкурой мыши и проделали себе ходы и нагло шуршали, бегая по ним даже и под потолком. (17)Кошка сердито смотрела

вслед их шуршанию, а достать не могла.

(18)Иногда ела кошка и тараканов, но от них ей становилось нехорошо. (19)Единственное, что тараканы уважали, это чертуперегородки, отделявшей устье русской печи и кухню от чистой избы. (20)В чистую избу они не переползали. (21)Зато в кухне по ночам кишели, и, если поздно вечером, зайдя испить воды, я зажигал там лампочку, пол весь, и скамья большая, и даже стена были чуть не сплошь бурыми и шевелились. (22)Приносил я из химического кабинета буры, и, смешивая с тестом, мы их травили. (23)Тараканов менело, но Матрёна боялась

отравить вместе с ними и кошку. (24)Мы прекращали подсыпку яда, и тараканы плодились вновь.

(25)По ночам, когда Матрёна уже спала, а я занимался за столом, – редкое быстрое шуршание мышей под обоями покрывалось слитным, единым, непрерывным, как далекий шум океана, шорохом тараканов за перегородкой. (26)Но я свыкся с ним, ибо в нём не было ничего злого, в нём не было лжи. (27)Шуршанье их – была их жизнь.

(28)И с грубой плакатной красавицей я свыкся, которая со стены постоянно протягивала мне Белинского, Панферова и ещё стопу каких-то книг, но – молчала. (29)Я со всем свыкся, что было в избе Матрёны.

(30)Матрёна вставала в четыре-пять утра. (31)Ходикам Матрёным было двадцать семь лет, как куплены в сельпо. (32)Всегда они шли вперёд, и Матрёна не беспокоилась – лишь бы не отставали, чтоб утром не запозднить. (33)Она включала лампочку за кухонной перегородкой и тихо, вежливо, стараясь не шуметь, топила русскую печь, ходила доить козу (все животы её были – одна эта грязно-белая криворогая коза), по воду ходила и варила в трёх чугунах: один чугунок – мне, один – себе, один – козе. (34)Козе она выбирала из подполья самую мелкую картошку, себе – мелкую, а мне – с куриное яйцо. (35)Крупной же картошки огорода её песчаный, с довоенных лет не удобренный и всегда засаживаемый картошкой, картошкой и картошкой, – крупной не давал.

(36)Мне почти не слышались её утренние хлопоты. (37)Я спал долго, просыпался на позднем зимнем свете и потягивался, высовывая голову из-под одеяла и тулупа. (38)Они да ещё лагерная телогрейка на ногах, а снизу мешок, набитый соломой, хранили мне тепло даже в те ночи, когда стужа толкалась с севера в наши хилые оконца. (39)Услышав за перегородкой сдержанный шумок, я всякий раз размеренно говорил:

(40)– Доброе утро, Матрёна Васильевна!

(41)И всегда одни и те же доброжелательные слова раздавались мне из-за перегородки. (42)Они начинались каким-то низким теплым мурчанием, как у бабушек в сказках:

(43)– М-м-мм... также и вам!

(44) И немного погодя:

(45) — А завтрак вам приспе-ел.

А. Солженицын. «Матрёнин двор». 1959"1960 гг.

Из предложения 23 выпишите производный предлог.